

Как только мы переехали, пропал кот. Выпрыгнул в раскрытое окно и был таков.

Я обнаружил его пропажу часа через два и пошел искать.

В соседнем дворе с царственным видом он восседал на капоте машины. Увидев и услышав меня, он ретировался. Еще пару часов я, почти ложась на грязный и холодный осенний асфальт, высматривал и выкликал его из-под разных авто.

Это уж совсем было что-то странное. Не такого воспитания да вообще ментального и физическое сложения этот кот, чтоб бегать от хозяина. Мы с ним, можно сказать, составляем одно целое...

Меня всегда едва ли не коробило от фраз типа, что такой-то Васька-кот, или тем паче Баська, полутораметровый слюнявый кобелина, или Моська, миниатюрная сучка в комбинезончике, – для нас, мол, как член семьи. Но данный конкретный кот уж настолько оказался уникален...

А тут уж какая досада была на самого себя, что я сам явился причиной потери своего собственного кота – и тем более такого! Сказать «умный» или «красивый» – ничего не сказать. Белые – белейшие! – носочки и перчаточки, белый нагрудничек и кончик носа, черные полосы на голове и загривке, что на твоём бурундуке, и будто в мультфильме нарисованные, ровнейшие полоски на лапах, и черепашковые пятна, и леопардовые, и «подведенные

брови» (как у диких кошек, чтобы хищные птицы промазали клюнуть их в глаз); и главное – глаза: не желтые, не зеленые, а какого-то светло-прозрачного оттенка хаки, как раз в цветовой гармонии с фоновым мехом; а главное – их выражение. Сверхаристократичный и суперутонченный – если только вот так емко, но несколько неуклюже высказать. Абы что он не ест, никогда не сидит, как плебеи, под столом, глядя в рот, а тем более не лезет и не голосит, выпрашивая еду, не вьется. Никакими «кис-кис» его к миске не подзовешь. Его Величество просто появляется на кухне и выразительно заглядывает в глаза. Если ему что-то бросить – хоть бы и мясо, – не двинется: только посмотрит – с таким значением, *знанием* и укоризной, что немного не по себе становится. А говорят еще, что у животных нет души!..

Души, верно, нет, или она, как некоторые определяют, особая, животная, но характера и ума – хоть отбавляй. При хорошем настроении может начать юродствовать – облизывать у скатерти на столе бахрому или шуршащий пакет под столом: мол, вот чем я вынужден из-за вас пробавляться, а то и устроить шаривари – поскидывать (очень аккуратно!) с тумбочек сотовые телефоны и прочие мелкие предметы, стремглав носиться и т. п. Оно обозначает, что *котос юрдиус* радикально недоволен качеством еды или ее свежестью (холодильника у нас больше трех лет не было). А уж какого достоинства он преиспол-

няется, когда возлежит у меня, читающего книгу, на груди, – ни в сказке сказать, ни пером описать!

И еще мне было жалко и досадно – каюсь! – что не успели мы с котом провести давно запланированную фотосессию, где были бы воочию явлены некоторые из его многочисленных достоинств и способностей. В одном интервью в качестве оформления присутствовала фотография, на которой я стою и держу кота в одной руке, взяв в кулак за все четыре лапы, – как букет цветов! Это же фото оказалось на задней обложке моей книжки повестей, про что мне пару раз говорили: «там, где ты с совой». Получил я по интернету и некие нарекания о том, что картинка сия сделана фотешопом и даже что ради нужного кадра, наверное, умучил бедную животину (это в контексте недавно имевшей место несуразной инфомобструкции Юрия Куклачева – мол, и еще один туда же). Не дрессировал я «бедную животину» – *аристократы*, понятно, этому совсем не поддаются! – а так, иногда занимался – для обоюдного развлечения, ведь голубокровному созданию тоже скучно целыми днями сидеть в однокомнатной квартире без дела, постоянно вздрагивая – не утрирую! – от вояканий и громыханий гастарбайтера. Да и сам он любит позировать (без преувеличения), правда, всей своей позой и умственным выражением выражая, что он, дескать, весьма мало одобряет происходящее вокруг вообще. В противовес нападкам я хотел опубликовать видеозапись «шоу-программы» или серию снимков. А теперь вот потерялся – и этих кадров никогда не снять. Да что «снять» или «не снять» – когда *свой* кот!..

Кстати, к улице надменно-артистический кот совсем не приучен (как мы ни пытались, все без толку), посему сразу теперь представляли, что долго ему там не протянуть. Благо начало зимы выдалось небывало теплое...

Промучившись часа полтора, кота я не поймал, – измокнув и озябнув, ушел домой. Написал жене, потом пошел искать опять. Она вернулась с работы поздно, и мы часов уж в одиннадцать вечера прочесывали окрестности. Вскоре сей котский кот был найден, но – опять – не пойман! Заскочил в ближайшую отдушину подвала пятиэтажки и сидит, смотрит, высокомерно игнорируя все наши ксыксы-канья! Проигнорировал он и принос почти под нос «васьки»*! Поведение совсем уж странное: необыкновенный наш питомец всегда был к нам сильно

привязан, никогда не отходил и на шаг, не убежал от дома, даже когда раза три падал – и такое у него по молодости случалось – с балкона в Бронницах.. Ко мне из-за писательской моей работы и кухонной безработности он уж прикипел настолько, что когда, например, я уезжал, кот сильно тосковал и ежедневно устраивал шаривари, так что Ане, чтоб его успокоить, приходилось давать ему трубку телефона, в которой звучали мои шипяще-свистящие «ксы-ксы» и «коть!..».

Надо сказать, что когда я в поисках кота лазил по всем подворотням до самого метро, меня захлестнуло острое осознание наконец-то свершившегося своего, нашего переезда в Москву – его, как писали в учебниках истории (да, наверное, еще и пишут и будут писать), причин и предпосылок.

Последние два года в Бронницах были во всех смыслах тяжелыми. Помимо множества проблем насущных (финансовый кризис, ударивший почему-то именно по нам), добивало и осознание, что Москва рядом, но ее, как тот локоток из пословицы, не достанешь и не укусишь. Всего лишь сорок верст – из-за пробок ставших почти непролазными, – и настоящая культурная пропасть, как будто и нет тут рядом никакой столицы...

Выражаясь привычными штампами, последней каплей, скорее всего, стал взрыв жилого дома в Бронницах – нескольких этажей обычной пятиэтажки, стоящей через дворик напротив нашей. Помню, как мы с женой, выйдя из центра города на набережную, увидели столб черного дыма, зловеще нависающий, будто смерч, над нашим Ист-Эндом.. Мало того, сразу показалось: хлещет он из нашего дома! Пока бежали, вспомнили, что когда полчаса назад стояли на остановке, слышали звук взрыва – очень мощный, объемный, пожалуй, даже нельзя сказать, что *хлопок*, как обычно пишут журналисты. От эпицентра, оказалось, метров за триста. Мы тогда подумали, что, вероятно, это что-то связанное с самолетами (тут они в большом изобилии летают каждый день из соседнего Жуковского), даже подумалось, не боевой ли ракетой что сшибли (не так давно был случай – истребитель упал на жилой дом в пригороде Бронниц).

И тогда же, увидев пожарище вблизи, я вдруг вспомнил еще одну вещь: совсем истерзавшись сомнениями, я дерзнул просить Господа подать *знак*. Продолжать ли здесь топтаться на месте, чего-то выжидая, или все же вопреки всему рвать когти в Москву. Неужели, терзался я уже дальше, узнав о жертвах, услышав о версии теракта, увидев, помимо прочего, осколки стекла, вонзившиеся в ка-

* Так по одной из марок корма – от которой, кстати говоря, сей свободолобивый аристократ давно с брезгливостью отказался, – зовется у нас вся котиная еда.

Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей*... Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

пустные кочаны соседнего частного сектора, и поняв, что именно в это время я обычно проходил там и в этот раз хотел идти, но передумал, и, что совсем непривычно для меня, поехал с женой на автобусе... Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей*... Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

Подобрал слова – не так уж трудно. Жить трудней. Но нужно хотя бы направление правильное знать.

Жить тогда в наших окрестностях – как это обычно бывает – стало страшновато (да от наплыва журналистов, разных служб и зевак суетно), а тут как раз сообщили через знакомых, что освободилась квартира у одной бабуся в Москве.

После взрыва я также не удержался и написал о нем статью «Антропология хаоса», в которой на примере нашего беднячко-быдлярского Ист-Энда дал беглую зарисовку всей подноготной жизни в подмосковных городках. Не сказать, что в Бронницах широко читаются московские СМИ, но событие было резонансное, да и фамилия Шепелёв, оказалось,

здесь не простая, а предвыборно-начальственная, привлекающая к себе внимание*.

В общем, мы оттуда сорвались резко. И вот теперь сразу потеря kota – будто еще одно искушение, как еще один знак. Или наказание – даже примерно знаю, за что...

Еще одна проблема в том, что своеобразный наш котос не имеет никакого человеческого имени, наполненного огласовкой: мы призывали его только на близком расстоянии, полупешотом, рассчитанным на особый слух животного: «Кот!..», «Коть...» (более официально Кошман). Наверное, испугался, или и вправду такое житье осточертело, пора на свободу... Подвал, куда он нырнул, был закрыт, и в двенадцать ночи нам его никто не откроет. Оставалось утешаться тем, что с этим «васькой» он хоть одну ночь нормально проживет, а завтра уж поймает.

Но на другой день kota нигде не было. «Может, это и не наш был кот?» – предположила Аня, ведь в темноте в подвале мало чего разглядишь. Я облазил все цоколи окрестных домов, ксыксыкал во все отдушины и оконца... Причем из одного на меня вылезла здоровенная больная собачатина, а из второй – ненамного лучшего вида... таджик! Обходил и мусорные баки, закоулки, спрашивал. Нигде никакого кошачьего не было и следа – ведь нет снега, и здесь, в отличие от Бронниц, где у каждого подъезда коты восседали целыми пачками, их что-то не видать вообще. Ходит только рано утром бабка да истерически выкрикивает: «Барсик, Ба-арсик!», а вечером дед, который равнодушно покрикивает: «Вася, Вася!» – и коты у них, что ли, на поводке или шлейке, и все. (Поначалу мы даже гадали, не одно ли и то же это существо, но впоследствии с ними, с Васей и Барсиком, даже познакомились.) Ближе к мусоркам сидят все же кое-где по углам какие-то «полосатые тела» – и сразу подбегают на наши «кис-кис!» – аристократизма кот заплакал... У знакомых котэ столичный – мало того, что кастрирован и лишен когтей, так еще подзывают его с улицы своеобразным прозвищем Хомячок. И что: с радостью прибегает! Охальство, как выговаривают в деревне, да и только! Но кругом не деревня и не провинция – полно машин и настоящие толпы двуногих, как тут не напугаться...

* Даром что несколько лет мы, не задумываясь, с этой же фамилией работали в здешних СМИ: Аня вела новости и делала программу на ТВ, я был журналистом и редактором в немалого тиража еженедельных газетах. Помню, в первые годы я недоумевал, когда, выстояв всегдашнюю здоровенную очередь на почте или в банке, я подавал документы в окошко, меня встречали весьма грубовато, но как только бумажку раскрывали – тут же появлялись улыбки и непонятная вежливость!

Своего кота каждый день искали по несколько раз. У подвала, где в последний раз его видели, нашелся начальник и сторож – местная досужая тетка, которая по собственной инициативе зачем-то заде- лывала лаз вниз картонкой – с прорезью для кошек. По ее словам, там живут две, и раз в несколько дней она ставит им *под окошко* блюдце «корма» – како- го-то недоеденного «Роллтона», – нашему балов- ну такое не снилось и в страшном сне! Да его тут и не водилось – и тетка недружелюбно утверждала, и сами ежедневно заглядывали.

Прошла неделя, затем вторая. Настроение наше, и так сильно ухудшавшееся само по себе из-за по- исков работы и несообразностей мегаполиса, по- стоянно и неуклонно *ухудшалось еще хуже* – с каж- дым днем, с каждой ночью. Обычно кот спал на нас, переходя то на одного, то на другого... По ночам так и казалось, что голодный-холодный котик где-то мяучит, постоянно смотрели в окна... И вот однажды я встал в три часа и чуть ли не прямо под окном кухни увидел характерный сгорбленный силуэт на- шего Кошмана!..

Здесь надо сказать, что и наш питомец котенком был найден на улице в Бронницах. Поздно вечером и в сильный мороз он выскочил прямо под ноги идущей с работы Ане. Он буквально скакал перед ней тем манером, койи позже стал у нас звать- ся «изображать горбункула» – на прямых лапах, спина дугой, глаза вытарашены, хвост распушен. И это не обычная реакция для устрашения, а нечто напускное, чем он потом еще долго пробавлялся. Уже не такой котенок, но молоденький. Потом при ближайшем осмотре оказалось, что котик горба- тенький, у него что-то с позвонками. Приучен уже к корму этому дурацкому, «кошачью радость» пу- тассу его вкушать-то не заставить иль кабачки тушеные – это уж нам, плебеям, достается... И еще что это кошка, а не кот. Но мы все равно его звали Кот, потому как это куда благозвучней, да и ко- шечки, все они какие-то... тонкие, пушистые, бе- ременные... А *кот* – это звучит гордо, благородно! И вот что значит сила слова – Кошман наш, хоть ему эта роль не навязывалась, куда больше похож на кота, чем на кошку, но очень уж на благородно- го кота... Такая царственная поза, такой монументально-величественный взгляд – у кошки такого не может быть никак. Да и стал бы я с кошечкой валандаться!

Естественно, подлинными хозяевами подвалов и дворов были не чудаковатые тетки и бабки, а «наши друзья» гастарбайтеры. И когда я испрашивал у них, не видали ли они *кота*, они не понимали. Для тех, кто

учит русский как иностранный, по дурацким школь- ным правилам словом «кошка» («кошки») обознача- ется весь вид, тогда как для русского человека куда как сподручнее сказать «кот», «коты», употребле- ние же говорящим женского эквивалента свидетель- ствует о его педантичности и/или официозности, чаще всего присущей педагогам и руководителям. Для арбайтеров (в частности, нашего колченого с таратайкой и его друга) я, однако ж, перебрал весь арсенал синонимов, закончив весьма похожим на оригинал «мяу-мяу», и лишь тогда они ответили.

Едва накинув куртки, мы стремглав выскочили в ночи за котом. Он сразу стреканул в кусты к со- седней пятиэтажке, и сколько мы его ни звали, не откликнулся, пропал. На другой день услышали ха- рактерные звуки кошачьей потасовки днем, опять выскочили из дома, опять увидели мельком своего кота – за ним гнался матерый местный. Завидев хо- зяев и спасаясь, Кошман задал деру по грязи – нам остались только следы. Местный же дворово-под- вальный кошара, изрядно очерстевший и полиня- лый, на наши призывы преспокойно приблизился к нам, бери не хочу.

После этого пропал совсем. Проходил день за днем, на улице каждый день лил дождь. Очень плохо было без своего кота – так прошел месяц... Уже и вы- кликать его по окрестностям и подвальным дыркам было бессмысленно. Но я все равно, идя каждый день к метро и обратно или с Аней в магазин, призывал, приводя в секундное недоумение прохожих, своего котоса... Под окном вырыли котлован – не хуже пла- тоновского. Выпал снег, начался новый год... Чего ждать, когда своеобычный сей суперкот никакой пищи от человек, типа рыбных хвостов, никогда не вкушал, признавая только определенные марки «васьки» да при случае чистое свежее мясо, да и то филейное, а при попытках прогулок у него уже на относительном холоде через пять минут краснели лапы и он их жалобно поджимал!.. Извращения цивилизации – что поделывать...

Сходили даже на выставку породистых котят. Но как-то они совсем не те: самый дешевый стоит тыщи три, да это не кот, а какой-то плоскомордый коте- нок, которому как будто кувалдой сплющили все чу- рило. Пусть есть и довольно красивые, но все равно, подумали мы, за десять тысяч покупать кота, даже за три – это уж точно извращение! Кот должен сам завестись – он как бы дарован свыше (порой воз- никали подозрения, что, может быть, это и не кот вовсе, или не-совсем-кот, но иноагент каких-то высших сил...) – *свой кот*, живущий с нами, но сам по себе, натуральнейший кот – да какой! Стыдно и пи-

сать: котофей улыбочивый сказочный, кот лубочный казанский, усатый-полосатый и арбуз астраханский, вкруг покрытый изразцами, в узорочье весь, будто малахитовый, манул царственный вылитый!

Оставалось надеяться только на чудо. С тяжелым чувством я собрал и убрал котовы миски и лотки, но не выбросил...

И вот когда надежда почти полностью иссякла, произошло настоящее рождественское чудо. Мы шли в сочельник с Аней по обычному своему маршруту... Пейзаж, правда, окружал не рождественский, а как в середине апреля... И вдруг нам навстречу откуда-то выбегает кот – *наш кот!* Тут уж он не горбатился и не юродствовал, не изображал величия и благородства, даже не убежал, а как только его позвали, сам бросился к нам. Конечно, его было не узнать: тощий, грязный, весь подранный. Прошло ровно полтора месяца! Направлялся он, видно, на праздничный фуршет – к мусорным бакам...

Дома уже не водилось «васьки», и принцу-нищему были предложены дорогой праздничный сервелат и хлеб. С привычной брезгливостью Кот не прикоснулся. Вид поначалу был не царственный: весь набит песком и грязью, как мешок от пылесоса. Пришлось его второй раз в жизни искупать, местами прижечь зеленкой, к тому же думали, что он уж точно теперь скотный*. Оказалось, что, помимо некоей общей подранности, сломаны ребра (кто-нибудь дал пинка – что еще можно ожидать!) и торчит вывихнутый когтепалец на задней лапе – это в дополнение к грыже на брюхе, с которой он и был найден. Легко отделался!

Первые две недели вновь обретенная монаршая особа Кошман (он же Котий, Кошкай, Котос) был очень тихим и подчеркнуто благодарным, постоянно и помногу ел и особенно спал. Во сне он то тяжело вздыхал – прямо как человек! – то яростно улепетывал от врагов или хулиганов. Но вскоре вновь вернулся к своим барско-нобелическим привычкам – будто и не было сорокапятидневного отсутствия! Где он пребывал и чем питался, как мы ни просили его рассказать или хотя бы написать (иногда он использует клавиатуру), гордец так и не поведал. Зато все же была осуществлена фотосъемка некоторых «упражнений с котом», хоть и по состоянию здоровья исполнителя довольно щадящая. Вот какой он, суперкот, спасибо, Господи, что он есть и что вернулся!

* Скотный – беременный, о кошке, овце и некоторых других животных. Когда прошли положенные три месяца, стало понятно, что «кот» не «окотится», что для обычной кошки, конечно, нонсенс.

Фантазируя и соотнося рассказ с реакцией героя, мы поняли, что Кошман, с присущими ему мыслительными способностями, видя, что мы ему приносим корма *всегда* по паре пакетиков в день, поддался соблазну отправиться «на вольные хлеба», к тому столичному раздолью, где эта «васька», по его представлениям, залегаёт целыми горами – пакетиков и банок, и все бесплатно!.. Промыкавшись полдня без пищи, он наконец приблизился к одному из собратьев – местному прожеженному котяре – и с наивной небрежностью осведомился: «Когда здесь дают “ваську”, сколько в одни лапы и какую именно – говядину с томатом или лосось с ягненком?..» После этого озверевший, пожизненно голодный драный абориген вцепился ему в нос.

Скорее всего, коту помогло выжить то, что он, изгоняемый местными, все же как-то затерся в подвал дома у мусорки (практически у метро, у будущего «Дикси»), где тоже некая бабуся выставляет котам блюдца – спасибо и ей.

На окна, хоть это и неудобно при таких рамках, пришлось сделать сетки. Однако кот и сам их не рвет и никуда не порывается, совсем остепенился. Не нравится ему только шум и сигаретная вонь из форточки. Основное его занятие – отдыхать. Его назначение – *просто быть котом*, и больше никто ничего от него не требует. Закрывая лапами рот и нос, он безошибочно предсказывает погоду (вернее, непогоду). Сам кот – уже чудо, и даже пресловутые извращения цивилизации в его исполнении кажутся нам забавными, а меня так и наводят на полуиронические мысли и высказывания о некоем «пересмотре научных знаний»...

Не от нечего делать я все это расписываю – про кота вот, в дополнение к ежедневной «свистопляске гастарбайтеров» за окном... Психоземональное состояние у нас уже подчас было такое, что хоть волком вой, а тут все же что-то свое, домашнее, живое...

Так, я слышал, что кошки способны воспринимать лишь порядка шестидесяти кадров в секунду, тогда как наш стандарт изображения двадцать четыре кадра в секунду (тем более мультфильм) будет для них дискретным. Наш же суперкотос не раз был застигнут за просмотром на компьютере именно мультфильмов, и особенно он пристрастен к «Тому и Джерри» – и выражение физиономии у него при этом зело неодобрительное. Других передач он вообще не признает, а по «лицу» Кошмана, повторяю, никак не скажешь, что он не понимает, что показывается! Иногда мы, придя домой в Бронницах, заставляли его за включенным телеприемником, ко-

торый до нашего ухода был выключен (потом выяснилось: прыгая на шкаф, он нажимал лапами кнопки на панели), при этом кот его никогда не смотрел. А стоит включить мультики про муми-троллей...

Далее, кот так же осмысленно реагирует на разговоры и прочие бытовые перипетии – то есть он отлично улавливает эмоциональный фон, а такое ощущение, что и текст. Особенно он осмыслен и тоже как-то иронично-неодобрителен, когда мы с женой начинаем вести диалоги от его имени охрипшим голосом очерстневшего кота. Мало того, что он отзывается (когда захочет) – *взглядом!* – на все свои наименования: Кот, Котос, Кошман, – он еще морганием глаз отвечает на элементарные вопросы вроде «Ты кот?» или ««Ваську» хочешь?». Но это все ладно, тут, понятно, есть на что списать (звукоподражания, шипящие звуки в имени и проч.). Но вот ясно заявлено, что кошачьи не различают цветов... (Какой интерес тогда в мультики лупиться по целому часу?!) Отринув совсем дешевые марки «васьки», разборчивый питомец перешел исключительно на «Китекат» (причем был отмечен эпизодический интерес реципиента именно к телерекламе кошачьих консервов!), баночка или пакетик какой-то марки, как известно, с зеленым фоном. Когда покупаются другие сорта, в точно таких же по размеру банках другого цвета, он манкирует. А когда был куплен «Д-р Клаудер» в банке светло-зеленого цвета, его суперкотство соизволили откусать! Тогда я в порядке эксперимента обрезал упаковку с пакетика «Китеката» и наклеил ее на баночку другой марки – кот реагировал очень одобрительно (первичная реакция у него настроена на крацание отрываемой жестянки, а дальше уже на ее цвет) – ел, съел так несколько банок, но все неохотней... Мне кажется, он «признает» даже атрибутику – «китекатовские» блокнотики или магнитики, и уж, кроме всех потрясающих открытий, тут-то я понял, какому идиоту придет в голову поставить на свою почту в «Яндексе» оформление «Китекат»! (Кот очень одобрил, но я не стал ему потакать.)

Помимо этого, он отлично разработал передние лапы – постоянно пытается ими что-то теребить или брать. Стоять на задних лапах, вытянувшись, и наяривать о шкаф передними – это и хомячок какой-нибудь может (ну или Хомячок, хотя не так долго). Но сейчас он принялся разрабатывать моторику «рук»: почти всегда сидит, поджав одну белоснежную лапку (левую – он, видимо, левша), то растопырив «пальцы», то сжав, как бы поигрывая и протягивая ее... А то вообще минут по десять сидит, вытянув лапку, как будто постовой с жезлом, –

наверное, пытаясь остановить непрерывный поток за окном! Но лапу не подает: что я вам, бобик, что ли, цирковой-плебейский?! Вот думаем: планшет бы коту-индиго надо купить – кто знает...

Мало того, что, присутствуя при диалогах на кухне, он стал осмысленно вертеть глазами за репликами или при звуках извне вперивать в каждого из хозяев недоуменный взор... Но более всего поразило нас, когда он... заговорил! При скудости средств иногда возникают конфликты: без холодильника уже немного постоявшую на окне «ваську» Кошман отрицает – и порой он выдерживает характер по целому дню: брезгливо понюхав миску, начинает с воплями носиться... А то и сядет как сиротинушка, едва ли не слезу пустит – ему по несколько раз терпеливо меняют содержимое миски (да и треклятый «Китекат» не всегда есть возможность захватить), но котик только стреляет глазами, а то и принимается за прежнее юродство. Как-то слышу с кухни такое экспрессивное окончание диалога (кот уж третий день не жрал): «Ешь, смотри, у тебя сколько навалено!» – «Нет!» – «Не нет, а да!..» И тут только мы с Аней поняли, что «нет» (пискляво-отчаявшимся голосом, вообще-то для него нехарактерным) в запале произнес Кошман, причем четко, не «мяу» там какое-то модифицированное, а именно протестное внятное человеческое (или все же кошачье) «нет!». Опять же – по-русски!

А вообще, после возвращения «оттуда», отдыхает он самозабвенно (такой уж стресс был для него этот выход на свободу в столице!) и абсолютно везде. Из-за малометражности пространства и круговой диорамы мельтешений и шума его можно обнаружить величественно возлежащим или мирно спящим в самых неожиданных укромных местах – в ванне или раковине. И, видимо, также не напрасно наш Кошман наиболее предпочтительным почитает взгромоздиться на самую высокую точку в доме – на бабкин шифоньер и книжную полку на нем – и оттуда спокойно и величественно взирать через окошко на прелести столицы, на бренный этот мир...

